

Первые лучи утреннего света едва пробились сквозь прутья решетки, когда тяжелая дверь изолятора с грохотом отворилась. Вошли двое полицейских, швырнули на стол перед Цзи Юань папку с документами и отрезали:

— Рабочий, пострадавший от нападения черного медведя, выжил. Но у него множественные открытые переломы, левая нога повреждена безвозвратно. На вас подают официальный иск, требуя компенсацию в пятьсот тысяч додин-монет.

Пятьсот тысяч? Рука Цзи Юань, потянувшаяся к бумаге, мелко задрожала. Она даже не почувствовала, как острый край листа порезал палец. У них с Ся не набралось бы и трех тысяч, а полмиллиона для них — сумма просто астрономическая. Услышав цифру, Ся побледнела, ее крылья судорожно сжались, а дыхание стало прерывистым.

— Мы... мы просто не в состоянии столько выплатить!

— Нет денег? — полицейский усмехнулся и ткнул пальцем в пункт о компенсации. — Рабочий теперь даже с кровати встать не может, работать больше не в состоянии. Эти пятьсот тысяч пойдут на его дальнейшее лечение и содержание. Либо пусть платят ваши семьи, либо готовьтесь к принудительному взысканию через суд. Если мать Ся откажется платить, ее арестуют за отказ от исполнения обязательств, а если семья Ся вздумает ее покрывать, то понесет солидарную ответственность. Что касается тебя, Цзи Юань...

Полицейский впился в нее тяжелым, нескрываемым давлением.

— Ордер на международный розыск твоей матери одобрен. Республика Островов Цыплат уже начала проверки. Как только она покажется, ее схватят. И тогда с нее взыщут не только эти пятьсот тысяч, но и потребуют вернуть все средства, выведенные ею из компании.

Цзи Юань сжала бумагу так, что побелели костяшки пальцев. Она понимала: полиция твердо намерена через эту компенсацию вытянуть на свет всех, кто хоть как-то с ними связан. Но мать Ся давно порвала с дочерью все отношения, а семья и вовсе считает ее позором — стали бы они выплачивать полмиллиона? А ее собственная мать... даже если ее поймают, украденные деньги наверняка давно спущены, и взять их будет негде.

— Это не мы виноваты! Медведь выскочил внезапно, мы сами пострадали! — Цзи Юань не выдержала и возразила, голос ее дрогнул. Перед глазами всплыла сцена на стройке, как медведь утаскивает рабочего. Сердце сжала вина, но виной долг не погасишь. Пятьсот тысяч давили на нее, словно гора, не давая вздохнуть.

— Было это умышленно или нет — решит суд, — полицейский забрал документы, его тон был ледяным. — Даю вам три дня. Либо связывайтесь с родными и собирайте деньги, либо ждите повестку. Если к тому времени не расплатитесь, будете гнить в этой пятизвездочной тюрьме до конца своих дней. В конце концов, при ежедневной плате за проживание в три тысячи плюс полмиллиона компенсации, вы, возможно, и жизни не хватит, чтобы рассчитаться.

Когда полицейские ушли, в камере воцарилась удушливая тишина. Ся сидела на кровати, беззвучно роняя слезы, которые оставляли на простыне темные пятна.

— Мама точно не станет мне помогать, семья тоже... Что же нам делать? Даже если мы всю жизнь будем голодать, нам не заработать таких денег.

Цзи Июань подошла к ней, присела на корточки и осторожно погладила по крылу. Она хотела утешить подругу, сказать, что выход найдется, но слова застряли в горле. Полмиллиона компенсации, ежедневные расходы, угроза близким — все это сплеталось в плотную сеть, из которой не было видно выхода.

— Может быть... тот рабочий проявит милосердие и снизит сумму? — Ся вдруг подняла голову, в ее глазах теплился крошечный огонек надежды.

Цзи Июань покачала головой. Она помнила, как рабочего грузили в скорую: он был весь в крови, нога вывернута под неестественным углом. Такую боль одним лишь милосердием не искупить. Для него эти пятьсот тысяч, возможно, единственный шанс хоть как-то выжить после случившегося.

Следующие три дня они пытались связаться с родными, но безуспешно. Ся звонила матери, но та, услышав голос дочери, тут же бросала трубку. Родственники либо игнорировали сообщения, либо отвечали: мы порвали все связи, не смей больше беспокоить. Цзи Июань и вовсе не могла найти даже следа своей матери. Мысль о международном розыске колола как игла: она и боялась, что мать поймают, и понимала — даже если ее схватят, проблемы с долгом это не решит.

Спустя три дня полицейский снова вошел в камеру, держа в руках судебную повестку:

— Семьи платить отказались, так что готовьтесь к заседанию. Суд вынесет решение, и если вы не исполните обязательство, последует принудительное взыскание. Мать Ся будет арестована, активы семьи Ся частично заморожены, а твою мать, как только найдут, сразу передадут под суд, чтобы она несла ответственность за компенсацию.

Цзи Июань взяла повестку. Слова о пятистах тысячах резали глаза. Она посмотрела на Ся, которая уже не могла даже плакать, и почувствовала отчаяние. Они всего лишь хотели выжить в уезде Шаньнань, но судьба раз за разом толкала их в бездну. Авария в аэропорту Цзисаньцзяо, конфискация имущества за незаконную работу, случай с медведем, теперь этот иск... Каждое событие оставляло шрам на их телах и душах.

— У нас... еще есть шанс? — голос Ся охрип, он дрожал, как пламя свечи на ветру, готовое погаснуть в любую секунду.

Цзи Июань крепко сжала крыло подруги и глубоко вдохнула. Хоть впереди была лишь тьма, а долг давил на плечи, сдаваться она не хотела.

— Есть. Пока мы живы, у нас есть шанс. На суде мы во всем признаемся, расскажем правду, может быть, судья проявит снисходительность. Даже если нет — будем работать и постепенно выплатим. Когда-нибудь мы обязательно рассчитаемся.

Ся посмотрела в твердые глаза Цзи Юань и кивнула. Пусть надежда была призрачной, но в этой безнадежности слова подруги стали единственным светом, за который можно было ухватиться. Они прижались друг к другу, глядя, как за окном сгущаются сумерки, и в их душах жила лишь одна мысль: что бы ни ждало их впереди, они справятся вместе. И как бы тяжело ни было, они не откажутся от мужества продолжать жить.

<http://bllate.org/book/19435/1903960>